

Нас пугают, и нам страшно

Российский маньяк — это звучит гордо

«А когда она застревает в лифте и видит, как маньяк тащит за ноги убитую женщину — страшно?» — обрадовавшись, что я видела фильм «Поклонник», режиссер Николай ЛЕБЕДЕВ решил проверить его воздействие на зрителя. Названная сцена вышла действительно жутковатой, так что врать не пришлось.

За свою недолгую биографию Лебедев успел снять два фильма: «Змеиный источник» и «Поклонник». С последним произошла нелепая история. Законченный в 99-м году и успевший получить приз дистрибьюторов за высокие прокатные возможности, этот фильм приберегали к открытию реконструированного кинотеатра «Октябрь». Прошло два года: кинотеатр в лесах, а «Поклонник» выходит на широкий экран только сейчас. «К сожалению, фильмы быстро стареют, — сетует режиссер. — А я пока даже не осознал, что он родился, ведь еще не произошла его встреча со зрителем». Упоминание о зрителях здесь не просто дань традиции. Лебедев снимает триллеры: с невинными жертвами, мистическими случайностями и маньяками, которых невозможно вычислить. То есть зрительское кино, о необходимости которого так много говорят, но которое мало кому удается.

— Почему вы предпочитаете именно триллеры, жанр, для нашего кинематографа непривычный?

— Я не могу сказать, что «предпочитаю» жанр триллера. Я просто рассказываю истории, и мне хочется, чтобы они были интересны. Мне кажется, триллер кажется непривычным только оттого, что кино у нас всегда было завязано на идеологии. А посмотрите на литературу: Гоголь, Жуковский, Бестужев-Марлинский, Булгаков... Что есть «Пиковая дама», как не чистой воды мистический триллер?

Триллер — жанр моралистов, где сочувствие автора всегда на стороне жертвы. А герой проходит путь к пониманию каких-то нравственных вещей. Таинственное, странное имеет отношение не к социальному, а глубинному, подсознательному. Не случайно страшные сказки так нравятся маленьким детям. Я, кстати, не был исключением.

— Ваша семья имела отношение к кинематографу?

— Ни малейшего. Тем не менее я решил, что буду режиссером уже в 6 лет. В 16 приехал из Молдавии поступать в Москву. Помню, как при одном взгляде на здание ВГИКа у меня ноги подкашивались. Курс набирал Марлен Хуциев. Я прошел все письменные туры, но срезался на собеседовании. Недавно мы встретились с Марленом Мартыновичем в Минске: он очаровательный человек, я за ним буквально хвостиком ходил. Однажды не выдержал и рассказал о нашей первой встрече. Он очень трогательно растерялся: «Вы на меня

сердитесь?» Да как же я могу сердиться, я благодарен, что все так произошло. Ведь мускулы аращиваются в борьбе: поступи тогда, кто знает, получилось бы из меня хоть что-нибудь?

Пришлось идти на факультет журналистики в Кишеневе, откуда меня, как многообещающего, перевели в МГУ, была тогда такая практика. Параллельно я поступил-таки на сценарно-киноведческий факультет ВГИКа и несколько лет бегал между двумя вузами. А диплом по журналистике писал одновременно со съемками первого фильма.

— В «Змеином источнике» играют Ольга Остроумова и Евгений Миронов. В «Поклоннике» — Елена Сафонова. Как удалось заставить таких «звезд» поверить начинающему режиссеру?

— Мне помогла серьезная поддержка продюсеров. Но отказы все же слушать приходилось, например, от Маргариты Тереховой. Да и Евгений Миронов сначала отнекивался, а когда я умолил его выбрать любую роль, выбрал... главный женский персонаж. Его потом сыграла Ольга Остроумова. Ее я приглашал с опаской, боялся, что не будет подчиняться. Но мы работали замечательно. Остроумова никогда не показывает свои работы Гафту, говорит, он — жуткий критикан. А посмотрев «Змеиный источник», привела его на премьеру. Гафт даже подходил меня поздравлять «как простой зритель». Елена Сафонова меня так просто

поразила: «звезды» так себя не ведут. Она сказала, что вначале хочет пообщаться с режиссером, посмотреть его предыдущую картину и только потом прочтет сценарий. Слава Богу, ей все понравилось.

— Для вас существуют киномиры?

— У меня есть четыре «кита» для понимания кинематографа вообще. Это Эйзенштейн с его сценами-аттракционами, Феллини, с миром театра, цирка, условности, которая выше и ярче реальности, Хичкок, непревзойденный мастер рассказывать банальные истории самым невероятным образом, и Спилберг, умеющий как никто другой работать с аудиторией.

— Могу поспорить, что подавляющее большинство ваших сверстников начали бы с Тарковского.

— Как зритель я фильмы Тарковского не смотрю. А кино снимаю для зрителей. У Тарковского была своя аудитория, и, что самое главное, он имел право рассказывать истории, не интересные большинству, потому что открывал перспективы в киноязыке. А снимать авторское кино просто для того, чтобы выпендриться, да еще на чужие деньги — стыдно. В прошлом году меня приглашали в жюри вгиковского конкурса. Я был неприятно поражен: ребята снимают только про себя, вернее, про свое ощущение авторского кино. А сделать простую историю, рассказать о персонажах, за которыми было бы

интересно наблюдать, они пока не в состоянии.

В детстве я смотрел кино без разбора и помню, например, как, увидя «Экипаж» Митты, испытал острое чувство восторга перед манной кинозрелища. Именно это понимание кино как зрелища, утраченное многими нашими кинематографистами, сохранилось у зрителя. Неудивительно, что сериал «Граница», снятый тем же Миттой, имел такой успех. Если наше кино не повернется лицом к зрителю, оно вымрет.

— О какой аудитории идет речь, если, даже приглашая актеров на фильм, вы должны показать им свои предыдущие работы. Их ведь никто не видит.

— Это момент моей личной боли. Хотя не все так плохо. Недавно я узнал, что «Змеиный источник» в Приморском крае был лидером проката, уступив лишь американским блокбастерам. Я очень люблю сидеть в зале, где смотрят мой фильм: по реакции зрителей сразу можно понять, что удалось, что нет. Помню, однажды я показывал «Змеиный источник» в каком-то партийном санатории. Женщина из первого ряда после картины на меня просто накинута: «Что же это такое, и жизнь вся в напряжении и страхе, в кино приходишь отдохнуть — и опять волнения!» Это был лучший комплимент.

— Через месяц вы начинаете снимать экранизацию военной повести Казакевича «Звезда». И книжка подзабыта, и имя автора не

на слуху. Да и триллеру, похоже, изменяете?

— А это самый настоящий триллер! Путешествие в смерть для семи молодых ребят. Мои отец и брат — военные, и в нашей семье очень бережно относились к этой тематике. Мой дед Николай Лебедев погиб в 42-м, мой дядя погиб в апреле 45-го под Веней, ему было 19, и его звали Веной, ему было 19, и его звали Веной. Я как будто живу их судьбой и всегда чувствовал себя обязанным их памяти. И, между прочим, когда мне позвонили с «Мосфильма» и предложили прочесть книгу, я уже думал о военной картине.

Так что появление в моей жизни «Звезды» — колоссальная моя удача. Эта книга не о кадровых военных, а об обычных ребятах из поколения первенцев советской власти, настоящих идеалистах, искренне верящих в потрясающее будущее. Неудивительно, что они первыми шли в атаку и из 100 мальчишек, рожденных в 20–22-х годах, осталось в живых всего двое. Мне очень хочется, чтобы их нынешние сверстники узнали, что в этой стране есть кем гордиться.

Беседовала
Юнна ЧУПРИНИНА

